LEL: O10, R11, R58
УДК 330+332

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.007-015>

Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор
научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск,
680042, Российская Федерация

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. Обсуждается проблема, связанная с пробуксовкой новой экономической политики в отношении Дальнего Востока России, в контексте дихотомии экономическое развитие – экономический рост. Рассматривается реальное различие экономического содержания этих двух компонент целевой функции региональной экономической динамики. Показано, что различие внутреннего содержания упомянутых двух компонент определяет, в свою очередь, различие собственно экономической политики и определяет тот факт, что она сама внутренне противоречива. Утверждается, что определяющее значение имеет порядок «шагов» при реализации региональной экономической политики, и конечный результат явным образом определяется способом задания последовательности в целевой функции: «рост – развитие» или «развитие – рост». Приводятся три волны экономической динамики Дальнего Востока за 150-летний период. Ставится вопрос о возможности перехода к четвертой волне. Оцениваются вероятные результаты проводимой политики: гипертрофированное развитие ресурсного сектора; замораживание потенциалов прироста эндогенного совокупного спроса и невозможность перейти в режим эндогенного роста; доминирование параметров внешнего и внутринационального роста над параметрами экономического роста в регионе; стагнация параметров экономического развития в регионе. Определяется главная причина вероятных результатов: разрыв связи между ресурсами, которые должны порождать развитие и рост, и спросом, который должен аккумулировать эти ресурсы и трансформировать их в результаты развития, которые станут в дальнейшем основой экономического роста.

Ключевые слова: экономическая динамика, экономический рост, экономическое развитие, региональная экономическая политика, вероятные результаты, Дальний Восток России

Для цитирования: Минакир П.А. Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.007-015>

Economic Development ‘Trapped’ in Economic Growth: The Case of the Russian Far East

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir

Academician RAS, Doctor of Economics, Professor

Research Supervisor

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. We discuss the issue arising from the stalling of the new economic policy implemented in the Russian Far East in the context of the dichotomy between economic development and economic growth. We consider the actual difference in the economic content of these two components of the objective function of regional economic dynamics. It is demonstrated that the difference in the internal content of these two components determines, in turn, the difference in economic policy itself and determines the fact that such economic policy itself is internally contradictory. We argue that the order of ‘steps’, through which the regional economic policy is implemented, plays the key role and the final result is determined directly and clearly by the way the order of objectives set in the objective function: ‘growth and development’ or ‘development and growth’. Three waves of economic dynamics of the Far East over a 150-year period are demonstrated, and a question of whether it is possible to move on to the fourth wave is raised. We also assess the most likely outcomes of the current policy which are exaggerated development of the resource sector, stalling of the growth of endogenous aggregate demand and the inability to switch to endogenous growth, the dominance of the parameters of external and national growth over the parameters of economic growth in the region, and stagnation of the parameters of economic development in the region. We determine the main reason for the discussed outcomes: the gap between the resources that should generate development and growth, and the demand that should accumulate these resources and transform them into development results that must eventually become the basis of economic growth.

Keywords: economic dynamics, economic growth, economic development, regional economic policy, likely outcomes, Russian Far East

For citation: Minakir P.A. Economic Development ‘Trapped’ in Economic Growth: The Case of the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.007-015> (In Russian)

В последнее время и в научных кругах, и в кругах лиц, принимающих решения и формирующих экономическую политику, и в узких клубах экспертов, анализирующих набор предпринимаемых мер и результаты, к которым они приводят, очень часто возникает закономерный вопрос: почему до сих пор, несмотря на все усилия со стороны государства в области институциональных новаций, направляемых инвестиций, принимаемых программ социально-экономического развития макрорегиона, нет ожидаемого результата? На это можно задать встречный вопрос: а какой ожидаемый ре-

зультат мыслился? Чаще всего дискуссии касаются новой экономической политики по развитию Дальнего Востока, которая начала реализовываться в 2013–2015 гг. На вопрос о том, что же хотят получить от этого макрорегиона, ответа нет.

Пространственный геоэкономический маневр

Кризис 2008–2009 гг. в мировой экономике запустил процессы реаллокаций на глобальных товарных и факторных рынках. В российском случае это привело к ренессансу идеи пространственной диверсификации рынков, на которых возможно изъятие абсолютной внешнеторговой ренты в национальном масштабе, что, казалось бы, сейчас должно рассматриваться как экономический анахронизм.

Впервые эта идея была реализована в рамках Российской империи во второй половине XIX в., когда Приамурье и Приморье были включены в состав российского экономического пространства как фактический плацдарм внешнеторговой и экономической экспансии на рынках СВА. Именно в этом была идея выхода на новые конкурентные рынки зарождающейся российской буржуазии.

Начиная с 2012 г. идея пространственной диверсификации источников получения абсолютной внешнеторговой ренты трансформировалась в новый мейнстрим государственной региональной экономической политики, породивший политический и экономический штамп «ускоренное экономическое развитие» Дальнего Востока как национальный приоритет.

Базовый целевой конфликт

При этом можно с уверенностью утверждать, что ключевым словом в этом штампе является «ускоренное», то есть речь идет о политике, направленной на обеспечение экономического роста.

В разных версиях документов, отображающих целевую функцию национальной экономической политики в региональном аспекте, фигурирует экономический рост, выраженный либо непосредственно как статистический измеритель динамики ВДС и выпуска (темп роста / прироста), либо опосредованно как динамика факторов роста (приростные показатели инвестиций, численности занятых, население, которое, не являясь собственно экономическим показателем, является целевым индикатором, свидетельствующим о результативности применяемой политики).

При этом по умолчанию подразумевается, что либо «рост» есть синоним «развития», либо «рост» является условием «развития». Так или иначе, ставится знак если не неравенства, то тождества. Это представляется как минимум не совсем точным и приводящим в логические тупики.

За скобками при этом остается реальное различие экономического содержания этих двух компонент целевой функции:

- «рост» является количественной характеристикой экономики, понимаемой как макроэкономический агрегат,
- «развитие» отражает динамику взаимосвязанных элементов нечеткого множества, совокупность которых описывает взаимодействие количественных и качественных параметров региональной социально-экономической системы; это некая матрица, состоящая из элементов, каждый из которых описывает ту или иную сторону функционирования этой системы, в которой существуют операторы взаимодействий между этими элементами, которые подвержены внешним и внутренним воздействиям¹.

Чтобы выстроить логику последующих рассуждений, сформулируем так называемый базовый целевой конфликт, который лежит в основе или «защит» в региональной экономической политике, которую пытаются проводить на Дальнем Востоке, хотя это касается всех крупных региональных объектов.

Различие внутреннего содержания упомянутых двух компонент целевой функции региональной экономической динамики определяет, в свою очередь, различие собственно экономической политики и тот факт, что она сама внутренне противоречива.

Достижение максимальных результатов в смысле экономического роста предполагает обеспечение постоянного прироста продуктивности экономических ресурсов в регионе относительно базовых национальных параметров роста продуктивности.

Достижение высших уровней экономического развития предполагает сокращение срока формирования эффективно сбалансированного по основным взаимно пересекающимся плоскостям общественно-экономического бытия (структурная сложность, пространственно-инфраструктурная организация, качество жизни, уровень доходов, технологический и гуманитарный потенциалы) регионального экономического комплекса, структурно-динамически и качественно сопоставимого с некими комплексами национального, субрегионального или другого аналогичного Дальневосточному уровню макрорегиона. Тогда матрица, описывающая состояния экономической и социальной систем, структурную сложность, степени свободы и т. д. должна сопоставляться с некими другими матрицами, и такие агрегатные показатели, которые описывают темпы роста, уже не в состоянии дать адекватного ответа о том, что происходит.

¹ Более подробно проблема экономического содержания категорий «рост» и «развитие» рассмотрена в работах автора (Минакир, 2010; Минакир 2013; Минакир, 2021).

Следствием из этих кажущихся схоластическими рассуждений является неверность гипотезы о том, что «от перестановки слагаемых сумма не меняется».

Иначе говоря, порядок «шагов» при реализации региональной экономической политики имеет существенное значение. Соответственно конечный результат явным образом определяется способом задания последовательности в целевой функции: «рост – развитие» или «развитие – рост».

Не только теоретические рассуждения, но и эмпирические наблюдения, во всяком случае для Дальнего Востока, свидетельствуют о принципиальной важности разрешения этого целевого конфликта.

Дальний Восток. Волны экономической динамики.

Экономическая история региона описывается нами в рамках длинного, почти полуторавекового периода колонизации, освоения и развития (1880–2020 гг.) (Минакир, 2006; Российский..., 2017; Экономическая..., 2020). Если принять исходную точку за нулевое состояние экономической системы (что эмпирически неверно, но теоретически допустимо), то на этом периоде отчетливо выделяются три динамические волны (этапы), описывающие экономику Дальнего Востока в парадигме дихотомии экономический рост – экономическое развитие. Для каждой из волн, в свою очередь, выделяются две последовательные стадии – «развитие» и «рост».

Первая волна

Экономическое развитие. Конец XIX – начало XX в. – экономическая колонизация и последующее развитие региона. Форма инвестиций – финансирование переселения, строительства инфраструктуры, государственных военных заказов, соответственно создание специализированных производств на Дальнем Востоке, то есть создание начальной простой, но разветвленной экономической структуры. Стимул развития – формирование локализованного спроса на товары и услуги, что влекло за собой расширение локализованных потоков доходов и расходов, которые генерировали «второй контур» региональной экономики, то есть новое предложение, опирающееся на генерируемый в самом регионе спрос. Это очень похоже на то, что через некоторое время в экономической теории оформилось в концепцию эндогенного экономического роста. Соответственно эта концепция выросла на концепции регионального развития, ведомого экзогенными ресурсами. В результате этого развития сформировалась усложняющаяся система взаимодействующих экономических агентов в регионе, которая стала основой экономического роста после прекращения потока экзогенных ресурсов в регион.

Экономический рост. В 1922–1928 гг. начался этап экономического роста (восстановительного) в рамках первой волны. Экзогенному спросу взяться было неоткуда. Происходило замещение внутреннего спроса на спрос внешних рынков и за счет этого восстановление эндогенного спроса. Прироста экзогенных ресурсов тоже не происходило. Ресурсы накопления формировались за счет инерционного увеличения эндогенного спроса.

То есть первая волна представляла собой участок модернизационного развития региональной экономической системы и участок последующего инерционного роста на основе собственных ресурсов этой системы. Прирост внешних ресурсов был связан исключительно с особенностями взаимодействия региона и внешней среды.

Вторая волна

Экономическое развитие. Новый виток развития в регионе начался с 1930 г., предпосылками которого являлись:

- прирост экзогенных ресурсов накопления для индустриализации,
- адекватный прирост экзогенного совокупного спроса.

За 1930–1940 гг. сформировалась новая структура экономического комплекса в регионе, увеличился размер наведенного локализованного спроса в этом регионе, породившего усиление «второго контура» экономики, генерировавшего дополнительные ресурсы накопления и потребления в самом регионе. Следовательно, повысился потенциал и эндогенного развития и последующего эндогенного роста в этом регионе.

Экономический рост. С начала 1950-х гг. функционирование экономики региона перешло в режим стабилизации заимствования экзогенных ресурсов на внутреннем рынке. Функционирование «второго контура», естественно, также стабилизировалось на базе сформированной структуры и масштабов спроса.

Возможности этого эндогенного роста реализовались уже после 1950-х гг., когда экзогенные ресурсы на внутреннем рынке понадобились для других регионов. «Второй контур», который к этому времени был создан в регионе, благодаря его развитию, выступил источником поддержки экономического роста в регионе, предъявляя сформированный автономный наведенный спрос в рамках второй волны.

Таким образом, и первая, и вторая волна демонстрируют одну и ту же закономерность в регионе: экзогенные ресурсы – экономическое развитие, экономическое развитие создает базу для последующего экономического эндогенного в значительной степени роста, когда экзогенные ресурсы начинают стабилизироваться и уходить из региона.

Третья волна. Неудачные попытки замены развития ростом.

Третья волна состоит из нескольких частей.

Первая часть волны – 1960–1980 гг. В это время происходило некоторое наращивание экзогенных инвестиций и населения по стратегическим соображениям, но собственно экономическая система с точки зрения структурной сложности, пространственно-инфраструктурной организации, качества жизни, уровня доходов, технологического и гуманитарного потенциалов стагнировала. Наращивание потенциала эндогенного спроса блокировалось, а экзогенный спрос оставался вялым в связи с отсутствием какой-либо внутренней переоценки полезности социально-экономических результатов развития региона.

Попытка заменить национальный экзогенный спрос зарубежным (так называемая концепция Немчинова – концепция экспортной специализации), предпринятая в середине 1960-х гг. (компенсационные соглашения), улучшила условия роста и частично придала импульс структурному развитию за счет ресурсных отраслей, но не смогла перевести весь экономический комплекс региона в режим развития.

Вторая часть волны – 1980-е гг. Возможность прироста экзогенных ресурсов за счет национального рынка была блокирована начавшейся стагнацией на последнем; структурные параметры без прироста ресурсов были парализованы; некоторое улучшение социально-гуманитарного параметра потенциала за счет финансирования социальных программ в отрыве от других параметров регионального комплекса не принесло существенных системных результатов. Новый виток (1987–1990 гг.) стимулирования внешних экзогенных ресурсов накопления и структурного маневрирования также дал лишь частичный прогресс в ресурсном секторе экономики, практически не затронув ситуацию с формированием эндогенного спроса и / или переоценкой общественной полезности регионального комплекса на внутреннем и / или внешнем рынках.

Третья часть волны – 1990–2000-е гг. В 1990-е гг. были заблокированы все приросты ресурсов (и экзогенные, и эндогенные), что привело к отрицательной динамике в смысле роста и деградации параметров развития всей региональной системы; внешний спрос национального рынка был практически обнулен, а замещение экзогенным спросом со стороны внешнего рынка позволило лишь частично удержать структурно-масштабные параметры региональной экономики в ресурсных секторах. В 2000-е гг. предпринимались лишь спорадические попытки сохранить устойчивость регионального комплекса (энергетика, население, транспорт), масштабы совокупного спроса строго ограничивались стагнирующим «вторым контуром» региональной экономики, масштабы экзогенного спроса контролировались потребностями

ми импортеров в ресурсных секторах, которые поддерживали темп роста, но не могли обеспечить системное развитие региона.

Как результат – в основном регион прошел период восстановительного роста, но не приблизился к режиму экономического развития.

Попытка перейти к четвертой волне. Гарантирован ли успех?

С 2015 г. предпринимаются попытки восстановить режим экономического развития.

Как представляется, этот процесс пробуксовывает в силу трех главных проблем: а) не происходит массированного наращивания экзогенных ресурсов (ни внутренних, ни внешних); б) не изменилась идея стимулирования притока ресурсов по сравнению с предыдущими волнами – эксплуатация абсолютной ренты на внешних рынках; в) даже не рассматривается задача сопровождения ресурсного маневра маневром экзогенного совокупного спроса (Минакир, Прокапало, 2018; Минакир, Прокапало, 2021).

Вероятные результаты:

а) гипертрофированное развитие ресурсного сектора, т. е. дальнейшая структурная разбалансировка и упрощение структуры региональной экономики;

б) замораживание потенциалов прироста эндогенного совокупного спроса и невозможность перейти в режим эндогенного роста;

в) доминирование параметров внешнего и внутринационального роста над параметрами экономического роста в регионе;

г) стагнация параметров экономического развития в регионе, то есть невозможность выхода на режим формирования регионального экономического комплекса, структурно и качественно сопоставимого с национальным и субглобальными комплексами; но именно это последнее провозглашено как главная цель новой экономической политики на Дальнем Востоке.

То есть налицо экономическая версия политической парадигмы Троцкого – ни развития, ни роста.

Абсолютны ли эти результаты? Нет. Вероятны ли эти результаты? Да.

Главная причина высокой вероятности получения таких результатов на данном этапе заключается в том, что разорвана связь между ресурсами, которые должны порождать развитие и рост, и спросом, который должен аккумулировать эти ресурсы и трансформировать их в результаты развития, которые станут в дальнейшем основой экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Минакир П.А. К вопросу об экономической динамике // Журнал экономической теории. 2010. № 4. С. 129–139.

- Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2006. 848 с.
- Минакир П.А. Экономический рост и развитие: региональное приложение // Федерализм. 2013. № 2 (70). С. 49–62.
- Минакир П.А. Этапы развития: возможен ли новый переход? // Экономические исследования по проблемам развития Дальнего Востока: науч.-практ. конф. с международ. участием (10–11 ноября 2021 г., г. Хабаровск). URL: http://www.ecrin.ru/images/conf/2021/50/Minakir_doklad1.mp4 (дата обращения: декабрь 2021).
- Минакир П.А., Прокапало О.М. Программная экономика: дальневосточная проекция // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 36–44. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4.36>
- Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 146–155. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-38-2-7>
- Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
- Экономическая теория в пространстве и времени / под общ. ред. В.С. Автономов, А.Я. Рубинштейн. СПб: Алетейя, 2020. 360 с.

REFERENCES

- Economic Theories in Space and Time*. Edited by V.S. Avtonomov, A.Ya. Rubinshtein. Saint Petersburg, 2020, 360 p. (In Russian).
- Minakir P.A. Economic Growth and Development: Regional Application. *Federalizm = Federalism*, 2013, No. 2 (70), pp. 49–62. (In Russian).
- Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Edited by A.G. Granberg. Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. Moscow, 2006, 848 p. (In Russian).
- Minakir P.A. Stages of Development: Is a New Transition Possible? *Economic Research on the Problems of Development of the Far East: Scientific and Practical Conference (November 10–11, 2021, Khabarovsk)*. Available at: http://www.ecrin.ru/images/conf/2021/50/Minakir_doklad1.mp4 (accessed December 2021). (In Russian).
- Minakir P.A. To the Question of Economic Dynamics. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii = Russian Journal of Economic Theory*, 2010, no. 4, pp. 129–139. (In Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. Program Economy: Far Eastern Projection. *Regionalistika [Regionalistics]*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 36–44. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4.36> (In Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. Far East-Priority: Combinations of Investment and Institutes. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2018, no. 2, pp. 146–155. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-38-2-7> (In Russian).
- The Russian Far East: On the Way to Future*. Edited by P.A. Minakir. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2017, 395 p. (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 10.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 01.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.12.2021

Доступно онлайн / Available online: 24.12.2021